

N.L. Zakharov

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE SOCIOLOGICAL AND ECONOMIC APPROACHES IN THE STUDY OF COMPLEX SOCIO-ECONOMIC PHENOMENA

Nikolay Zakharov – Professor at HR Management Department, Saint-Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Sciences, Professor, Saint-Petersburg; e-mail: dekanat205@yandex.ru.

The article deals with comparative analysis of economic and sociological approaches used in the course of the study of socio-economic environment. The relevance of the article is determined by the author's urge towards resolving a problem of conflict between economic and social approaches. Thereupon the stated purpose of the article is to assign ways of increasing efficiency of scientific researches through harmonizing economic and social approaches.

The article substantiate community of subject and object fields of sociology along with the ones of economy and the difference between methodological purposes. Comparative analysis of economic and social approaches has been made. The use of sociological approach in the study of socio economic approaches has been demonstrated. It is noted that the background of sociological approach is in disclosure of subjective motives, determining socio economic phenomenon.

The author draws a conclusion that the generalia and the special in the approaches of sociology and economy open up possibilities for science as well as for achieving completeness and variety of science in the course of assessment of socio economic phenomena in bifurcation zone. This is the first time that the author has substantiated the difference between methodological principles of sociology and economy in the course of the study of socio-economic phenomena.

Keywords: sociology; economic science; scientific approach; objective reason; subjective reason; motive.

Н.Л. Захаров

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ СЛОЖНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Николай Львович Захаров – профессор кафедры управления персоналом ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», доктор социологических наук, профессор, г. Санкт-Петербург; e-mail: dekanat205@yandex.ru.

Статья посвящена сравнительному анализу экономического и социологического подходов в исследовании социально-экономической реальности. Актуальность статьи определяется стремлением автора решить проблему противоречия экономического и социологического подходов. Поэтому цель статьи – определение пути повышения эффективности научных исследований с помощью согласования экономических и социологических подходов.

В статье обосновывается общность предметно-объектного поля социологии и экономики и различие методологических установок. Проведен сравнительный анализ экономического и социологического подходов. Демонстрируется использование социологического подхода в исследовании социально-экономического подхода. Отмечается, что основой социологического подхода является выявление субъективных причин (мотивов), определяющих социально-экономический феномен.

В статье делается ключевой вывод о том, что общее и особенное в подходах социологии и экономики открывают возможность достижения полноты и многосторонности научного знания при оценке социально-экономических феноменов в зоне бифуркации. Автор впервые обосновывает различие методологических основ социологии и экономики при исследовании сложных социально-экономических явлений.

Ключевые слова: социология; экономическая наука; научный подход; методологическая установка; предмет и объект исследования; объективистская методологическая установка; субъективистская методологическая установка; объективная причина; субъективная причина; мотив.

Социология и экономика весьма близкие науки, что подтверждается наличием единого объекта исследования – общества. Несомненно, «общество», рассматриваемое как общий объект исследования и для социологии, и для экономической науки, понимается в самом широком смысле. При этом, даже если мы обращаемся к более точному и специфичному пониманию объекта экономической науки, определяемому как хозяйственная жизнь общества, или экономическая система общества [1; 10], мы не выходим за исследовательское поле социологии. И «хозяйственная жизнь общества» для социологии, так же как и для экономики, является сферой исследовательского при-ложения.

Специфика экономической науки может быть обнаружена в ее исследовательском предмете и ее ключевой проблеме, которую можно сформулировать как противоречие между безграничными потребностями человека и общества и ограниченными ресурсами их удовлетворения [1; 10]. Наибольшую специфичность экономической науки обнаруживают ее задачи, которые вытекают, во-первых, из старой формулы К. Маркса об общественном воспроизводстве: производство, обмен, распределение (перераспределение), потребление [7]. Во-вторых, что (собственно производится, обменивается, распределяется, потребляется), как и кем.

Но даже этот специфический предмет отнюдь не изолирован от изучения его социологией. При этом социология в целом научно ориентирована не только на предметное противоречие экономики, но и на другие проблемы общества, а поэтому охватывает более широкую исследовательскую сферу. Понимая это, иногда хочется предложить совсем простое решение – социология более широка и поверхностна в сравнении с экономикой. Данные суждения иногда можно слышать в высказываниях студентов, а иногда даже в кулуа-

рах конференций. Но если бы это было так, то социология, изучающая экономическую сферу, давно была бы вытеснена экономической наукой в сферу экономических абстракций или растворилась в философии. Но этого не происходит – потому, что социология, имея с экономикой общий предмет и объект, использует свой, отличный от экономики подход (методологическую установку) к постижению экономической реальности, который способствует решению практических задач и в экономической, и, более широко, в социальной сферах. При этом необходимо подчеркнуть, что если подход и различен, то в исходных методах мы обнаруживаем общее как для экономики, так и для социологии – и та, и другая опираются на естественнонаучные методы (чем они, кстати, отличаются от некоторых гуманитарных наук).

Специфику экономического и социологического подходов можно ясно различить, отталкиваясь от реального примера. Особенно ярко это обнаруживается в событиях критических периодов. Например, с 1992 года, когда в нашей стране происходила лавинообразная трансформация социально-экономической системы, вместе с реформами во многих областях, происходила и реформа системы налогообложения. Для такой реформы использовался опыт, технические приемы и схемы, наработанные в ФРГ, которые в то время считались лучшими в мире. И это было неслучайно, так как Германия после 1945 года приобрела опыт трансформации своей экономической системы. А кроме того, педантизм, тщательность, аккуратность немецких экономистов – и теоретиков, и практиков – давали уверенность в надежности предлагаемой ими системы налогообложения.

Как ни парадоксально, на первый взгляд, но данная система, признаваемая лучшей в мире, в нашей стране не то что не прижилась и не стала эффективной, а

просто не заработала. Наши налоговые органы столкнулись с массовыми неплатежами и проблемами функционирования всей налоговой системы. Для решения этих проблем была создана даже налоговая полиция.

В дальнейшем, к концу 1990-х годов, проблема разрешилась – постепенно сложилась выращенная на российском опыте налоговая система, не лучшая, но работающая. А «лучшая в мире» налоговая система была упразднена, вместе с ней за ненадобностью была упразднена и налоговая полиция.

Почему же не заработала у нас германская система? Серьезная экономическая литература в то время и сейчас не давала и не дает ответ на этот вопрос. Но в экономико-публицистической среде предлагалось несколько объяснений: 1) особенности русского *менталитета*; 2) *заговор* против России – внедрение немецкой системы, чтобы разрушить российскую экономику; 3) *некомпетентность* руководства, отвечающего за функционирование налоговой системы в нашей стране.

Представленный набор объяснений имеет то общее, что исходят они из принципа определяющей роли *субъективного* (непредсказуемый менталитет, злокозненные заговорщики, безграмотные руководители). А поэтому серьезным экономическим авторам при попытке выявить причины неадекватности германской системы для России пришлось бы определять, в том или ином виде, роль и значение субъективного фактора. Именно это дистанцировало крупных ученых от данной проблематики, потому что ученые-экономисты исходят в исследованиях из объективности экономических процессов. В этом и заключена главная *методологическая установка* экономического подхода, сформулированная К. Марксом: «*бытие определяет сознание*» [9]. На сегодняшний день, как бы ученые-экономисты ни относились к Карлу Марксу и его теориям – как сторонники и как противники, как последователи или, напротив, игнорирующие его взгляды, воспринимающие Маркса как ученого или оценивающие его

как революционера-ниспровергателя, глубоко знающие его произведения и ничего о нем не знающие – для всех характерна единая методологическая установка: экономические феномены объяснять объективными законами (или «бытие определяет сознание»). Именно эта установка составляет суть экономического подхода. И именно здесь лежит водораздел экономической науки и социологии.

Значит ли это, что социология отталкивается от другой методологической установки и объясняет экономические феномены субъективным? Да, именно так. Но, следует ли из этого, что социология готова принять популистские субъективистские объяснения (ментальность, заговор, некомпетентность)? Конечно, нет. Дело в том, что популизм – суть инверсия науки, поэтому популизм не применим ни для экономической, ни для социологических наук. Между тем и экономический подход, основанный на объективизме, ограничивает возможность практического решения многих социально-экономических проблем. Приведенный пример о введении в нашей стране германской налоговой модели является таким свидетельством.

Методологическая установка социологии возникает вместе с рождением социологии в середине XIX века. Впервые ее выразил Огюст Конт: «Пока же отдельные умы не примкнули единодушно к некоторому числу общих идей, на основании которых можно построить общую социальную доктрину, народы, несмотря ни на какие политические паллиативы, по необходимости останутся в революционном состоянии» [11. Р. 108]. Более просто это можно сформулировать так: пока общественным мнением не будут приняты единые мыслительные формы согласия с реальностью, люди будут бороться с объективной реальностью (бунтовать, протестовать, уклоняться и т.п.). Как ни парадоксально, но наиболее афористично эту методологическую установку выразил К. Маркс в 1844 г.: «Идея, овладевшая массами, становится материальной силой» [8]. Примечательно, что Маркс-экономист этот сформулированный им принцип бу-

дет игнорировать, опираться на противоположный – объективистский (бытие определяет сознание). Именно поэтому Маркса критически будут воспринимать социологи на рубеже XIX–XX веков.

Исходя из субъективистской методологической установки, объясним факт неприятия германской налоговой модели в нашей стране. Но для начала разберем популистские объяснения.

Объяснение первое – русский менталитет не принимает немецкую модель. Трудно с этим поспорить. Именно потому трудно спорить, что мы имеем дело со стереотипом коллективного бессознательного, или шаблоном восприятия. Убежденность общественного мнения строится не на научных выводах, а на привычке восприятия. Тогда как ученый оперирует научными понятиями и достоверными данными. Макс Вебер в 1905 г. утверждал, что нет более неопределенного слова, чем «ментальность» [3]. И далее: понимание мотивов социума, дает объяснение его характеру [3]. В нашем случае объяснение через термин «ментальность» – не есть объяснение, т.к. научно необъясненный термин не обладает содержанием. А собственно мотивы людей для нас остаются загадкой. Для того чтобы объяснить, к примеру, почему в определенном периоде немцы ведут себя так, а русские иначе, нужно не исходить из расхожей фразы «такая ментальность», которая не дает приращения научного знания, а объяснить мотивы тех и других.

Другое объяснение – идея заговора. Как и в первом случае, используются шаблоны общественного мнения, но здесь в качестве шаблона выступает уже не стереотип, а архетип, построенный на вере в идеальный злокозненный субъект, которому невозможно противостоять. Еще несколько десятилетий назад такой злокозненный субъект именовался «сатана», «шайтан», «враг человеческий». В древности человек наделял природные явления злокозненной субъективностью. Современный атеистически мыслящий человек наделяет злокозненной субъективностью социальные феномены. В качестве такого субъекта может выступать некое

«мировое правительство» и т.п.

Между тем необходимо признать, что заговор, а точнее идеальный заговор, невозможен по причине опять же субъективности. Не может человек не совершать ошибок, и слишком слаб наш интеллект, чтобы учесть все случайности. Невозможно злонамеренно внедрить враждебную систему, так как она будет испытывать сопротивление самих внедряющих и сопротивление им противостоящих. Аналогом такому внедрению могут быть военные операции. Военная операция – это план действий с целью нанесения противнику максимального вреда. Поэтому военная операция – идеальный образ злокозненной субъективности. Между тем военное дело показывает, что ни один даже гениальный план не может быть в полной мере реализован (яркий пример фашистский «блицкриг»), потому что всегда будет сопротивление, и внешнее, и внутреннее, его реализации.

Идея заговора легко воспринимается общественным мнением именно потому, что соответствует коллективному бессознательному архетипу врага человечества (или злокозненного субъекта). Между тем идея заговора, будучи легко воспринятой общественным мнением, ничего не объясняет.

Третье объяснение – некомпетентность руководства, так же легко принимается общественным мнением, т.к. укладывается в шаблон восприятия «все начальники глупы». Опасность этого объяснения в провокации асоциальных действий.

Главная особенность этих объяснений – поиск виновных, а не мотивов и причин. Отличительной особенностью социологии является поиск субъективных причин, или мотивов.

Научная интерпретация феномену неприятия немецкой модели в 1990-е годы была дана на основании социологического исследования зарождающегося предпринимательства в нашей стране [5].

Объективные причины – сокращение государственных предприятий и снижения уровня зарплат на них, исчезновение запретов на частное предпринимательство, резкий рост числа вакансий в налого-

вых службах.

Субъективные условия – необходимость большому числу людей менять работу, возможность для предприимчивых людей открыть свое дело.

Общая ситуация выглядела следующим образом. В результате трансформации нашей экономики, в новые сферы деятельности, в частности, такие как бизнес и налоговые органы, пришли люди без специального образования. Получалось так, что бывшие учителя, врачи, инженеры, офицеры и т.д. становились, в том числе, и предпринимателями, и налоговыми служащими, не будучи к этой деятельности образовательно подготовлены.

Незначительная часть новых предпринимателей, около 10%, освоила новую модель налоговой системы и отработала интересные модели законного сведения налогов к минимуму. Остальные предприниматели использовали иной путь. В своем бизнесе они до 60% своих сделок оставили за пределами налогообложения. Ну а в тех случаях, когда налоги оплачивались, документы оказывались подготовлены неквалифицированно. И это отнюдь не из злого умысла, а потому, что до 90% предпринимателей не могли понять и разобраться в действующей тогда системе налогообложения. Немалую долю ошибок совершал и персонал налоговых служб, не будучи достаточно подготовлен [4].

Общая причина неприятия немецкой модели заключается в том, что ни предпринимательство, ни налоговые службы оказались не готовы принять «лучшую мировую систему». В дальнейшем упрощение налогообложения и активное обучение помогли создать нормальную налоговую систему. Перефразируя выше процитированные слова О. Конта и К. Маркса, можно сделать следующий вывод: пока люди не поймут внедряемую в их голову идею, она не станет материальной силой. И любой идее люди всегда сопротивляются, пока к этой идее не возникнет интерес. Понимание всегда связано с мотивом: понять можно только то, что интересно.

Характеризуя в целом основную методологическую установку социологии,

можно сформулировать ее как поиск мотива (группы, общности, социума). Здесь необходимо установить уже границы социологии и психологии. Принципиальное отличие социального мотива от психологического показал Макс Вебер в теории социального действия – психологические действия не являются осознанными, социальные действия осознаны и ориентированы на взаимодействие и социальное ожидание [2]. Затем эту идею развил академик А.Н. Леонтьев [6]. Поэтому социология изучает сознательные мотивы и на их основе социальные действия. Бессознательные мотивы и подсознательные влечения – область психологии; коллективное бессознательное – сфера социальной психологии и этологии.

Особенность реализации социального действия можно представить следующим образом: на индивида или группу, т.е. социальный субъект, действует объективный стимул, при этом возможность совершения действий под влиянием стимула ограничена, с одной стороны, социальными нормами и паттернами, а с другой – социальными ориентирами (целями и ценностями). Активность социального действия, или сила мотивации, зависит от энергии субъекта и социальной значимости ориентира.

Подводя итог, отметим, что и социология, и экономика имеют принципиально близкие и предмет, и объект. Также общим является и исходный метод, ведущий свое происхождение от метода естественных наук. Между тем подходы, или методологические установки, различны: экономика исследует объективные причины, социология субъективные (или социальные мотивы). Для экономики важно оценить ресурсы и выбрать адекватные способы действий. В целом такой подход вполне адекватен, если мы имеем дело со «спокойной» социально-экономической средой. Но в условиях «возмущенной» среды, в точке бифуркации, науке необходимо учитывать не только ресурсы и способы действий, но и степень субъективного сопротивления.

Социология и экономика, имея общую предметную и объектную основу,

опирающиеся на исходный естественно-научный метод, различаются по методологической установке. Это общее и это отличие открывают возможность для взаимодополнения этих наук и достижения полноты и многосторонности научного знания при оценке социально-экономических феноменов в зоне бифуркации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бедрина Е.Б., Козлова О.А., Саламатова Т.А., Толтегин А.В.* Введение в экономическую теорию. Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 2009.
2. *Вебер М.* Основные социологические понятия // Избранные произведения. М., 1990. С. 603.
3. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990. С. 101, 139.
4. *Захаров Н.Л., Перфильева М.Б., Савин И.В. [и др.]*. Социальные регуляторы развития малого бизнеса российских регионов в контексте социологии управления (историко-социологический анализ): монография. СПб.: Изд-во ИБП, 2008.
5. Исследование состояния предпринимательства в России. Проект TACIS SME/9303. 1995–1996 гг.
6. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения. В 2-х т. М., 1983. Т. 2. С. 212.
7. *Маркс К.* Введение к «Критике политической экономии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1959. Т. 12. С. 713.
8. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права // Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1959. Т. 1. С. 414.
9. *Маркс К.* К критике политической экономии // Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. С. 7.
10. Экономическая теория / под ред. А.И. Добрынина, Л.С. Тарасевича. СПб.: Питер, 2009.
11. *Comte A.* The Positive Philosophy. New York, 1854. P. 108.